

11 КРУГОЗОР 66

ВЫСТРЕЛ В ЗАВТРАШНИЙ ДЕНЬ

Звуки митинговали. Горячо, как и подобает на митинге, спорили, перебивали друг друга... Сомневались сопрано, смело и уверенно отвечали им басы, ронотали фаготы, ахали литавры, выкрикивали что-то свое скрипки.

Шел митинг, и все эти голоса, выражавшие разные замыслы, желания, волю, были толпой. Что-то должно было слить их в одно, превратить толпу в народ. И когда, казалось, не оставалось в мире ничего, кроме грома, ронота, бури этих звуков, над ними и как бы впереди них возникли ленинские слова. Они словно спали эти звуки воедино и повели вперед.

Так почти тридцать лет назад воплотил в музыке Революцию композитор Сергей Прокофьев, и так ее услышала недавно я в консерваторском зале.

Прокофьев писал: «Героика строительства. Новый человек. Борьба и преодоление препятствий... Это идеи, из которых позднее постепенно родилась «Кантата к 20-летию Октября». Но еще не ясен был музыкальный язык, которым надо было говорить о советской жизни. Никому он не был ясен в ту пору, а ошибиться не хотелось...»

Это монументальная звукопись, фреска. Диего Ривера выполнил бы ее в мозаике. У Сергея Прокофьева она выписана тембрами человеческого голоса, скрипок, кларнетов, валторн... Ему понадобилось все богатство музыкальных красок. Два хора, четыре оркестра: симфонический, духовой, шумовой и оркестр баянистов. Словами кантаты стали строки из Маркса и Ленина.

Тогда, в тридцатые годы, произведение не поняли, назвали малоудачным экспериментом, а потому не исполнили.

Сегодня это — откровение. В кантате, помеченной тридцать седьмым годом, мы слышим будущего и прекрасного Прокофьева, его «Александра Невского», «На страже мира», «Здравцу»...

Прокофьев говорил, что в работе композитора «есть своеобразное сходство со стрельбой по движущимся мишеням: только взяв прицел вперед, в завтрашний день, вы не останетесь позади, на уровне вчерашних требований».

Кантата Прокофьева — выстрел композитора в завтрашний день. Для нас этот день — сегодня.

Л. КРЕНКЕЛЬ.
Рисунок А. Гамбургга.

*Философы лишь
различным образом*

объясняли

мир,

но дело

заключается в том,

чтоб изменить его.

Карл МАРКС

Владимир Кавуненко, руководитель штурмовой группы, один из сильнейших горовосходителей страны.

ЭКС

Олег Абалаков, мастер спорта, инженер. Его дядя первым поднялся на пик Коммунизма. Пока на этой вершине Олегу не везет: в первый раз он заболел на высоте 7 200 метров. Теперь не участвовал в штурме из-за травмы.

ПЕ

Аркадий Мартыновский, мастер спорта, начальник строительного участка в Москве. На вершину не поднялся из-за болезни.

Владимир Шатаев, мастер спорта, один из победителей знаменитой стены «Гранд-Капучин» в Альпах.

Александр Воронов, перворазрядник, техник. В штурме участвовал, но заболел на высоте 6 200 метров.

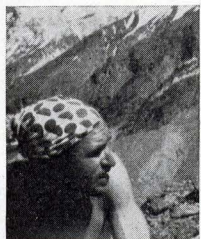
Николай Родимов, спортсмен-перворазрядник, инженер-химик. Не дошел до вершины из-за травмы.

Юрий Пискулов, спортсмен-перворазрядник, старший референт МВТ СССР.

Юрий Визбор, наш корреспондент. Его репортаж о восхождении на пик Космонавтов слушайте на второй звуковой странице.

ДИ

ЦИЯ

«Какой простор!.. Какая очаровательная красота во всех этих снежных гигантах, мощно возвышающихся к небу!.. Какое разнообразие цветов и тонов в этих скалистых утесах бесконечной цепи гор, теряющейся где-то далеко-далеко!.. Как глубоко это трогает душу и сердце человека! Им овладевает такое чувство восторга, описать которое — выше человеческих сил...»

С. М. Киров.

- « — Пап, а что видно с горы?
— Другие горы.
— Только и всего?
— Они очень красивые.
— Как цветы?
— Вроде этого.
— Пап, а медведя можно увидеть с горы?
— Нет, все медведи далеко внизу. С горы можно увидеть много: самого себя, небо... Настоящее небо. Можно увидеть всю страну. Только для этого нужно залезть на самую высокую гору.
— Самую-пресамую?
— Да.
— А такая гора есть?
— Есть».

«Последний крутой кусок позади... Вершина! Вот она! Я на высшей точке советской земли! Не выдержал, от волнения и радости на четвереньках вполз и лег на скалы... С моих усиков свисают две огромные сосульки. Борода тоже стала ледяной... Встал, огляделся. На туманном фоне востока тоже встал огромная фигура. Я замахал руками — там поднялись две огромные лопасти и тоже замахали... Победа!.. Пора на спуск...»

Е. М. Абалаков. Из штурмового дневника первовосходителя на пик Коммунизма. 1933 г.

«У человека есть в жизни много вершин. Вершины творческих удач, вершины счастья, вершины, сложенные из проблем, как из лавиноопасных склонов. Но у него должны быть и настоящие вершины — непридуманные, реальные.

Я счастлив, что я и мои товарищи смогли взойти на высочайшую гору страны — пик Коммунизма. Одна только мысль, что у тебя под ногами лежит вся наша великая страна, заставляла сильнее биться сердце».

В. Кавуненко,
почетный мастер спорта СССР,
руководитель штурмовой группы, 1966 г.

« — А зачем вы вообще лезете в гору?
— Хотя бы затем, что там никто не задает таких глупых вопросов».

С пресс-конференции французского альпиниста Роже Бернардини.

Фото Ю. Визбора.

**ЭКС
ПЕ
ДИ
ЦИЯ**

Это было со мной в первый раз. Я стоял на горе, одетой в камень, увенчанной дворцом, и смотрел на пики твоих средневековых небоскребов. Серо-голубой, дымчатый вдалеке камень, ритмично вздымавшийся от подножия холма до горизонта, казался холодноватым, но не холодным, спокойным, но не уснувшим и чуть серьезным. Тогда я еще не понимал, почему Моцарт, выйдя

из почтовой кареты на твои улицы, был очарован тобою на всю жизнь.

Позже я начал завидовать детям — уже взрослым, но родившимся здесь, и настоящим, знающим о мире все — от атома до галактики. Они ходят по улицам, не подозревая, что владеют секретом машины времени: каждый шаг переносит их в старые столетия. Память веков оседает не только в камне. Не только в мемориальных досках, в архивных фолиантах, драгоценностях, картинах, рукописях. Она в детях со дня их появления на свет. Когда они вырастают, идут в рагу; идут мимо памятника непримиримому Гусу,

Е. ВЕЛИСТОВ,
специальный корреспондент
«Кругозора».

Фото В. Генде-Роте.

над подземельем, где в сорок пятом был штаб движения Сопротивления, и за их спиной в окошке часов Орлово двенадцать апостолов вежливо кивают любопытным. Это очень торжественно, но ослепленные молодожены ничего не видят.

В таком городе, окруженный живыми лицами тысяч скульптур, сам по себе вырастаешь поэтом. Если не поэтом, то историком. Если не историком, то музыкантом. Вот почему завидовал я детям, знавшим все — от атома до галактики, бегавшим, сканавшим по твоим улицам и площадям.

В одном из храмов я прочитал на надгробной плите девиз незабвенного с XVII века астронома Тихо Браге: «Лучше быть, чем казаться».

Слова никак не выветрились из памяти, и в конце концов я истолковал их по-своему, поправ на выставку в маленьком городе Новый Бор.

Мне всегда казалось красивым чехословацкое стекло. Но только тут, на выставке «Борске скло-66», я узнал, как песок, золотая пыль, серебряные нити, опилки металла, пузырьки воздуха обретают свою естественную красоту, соединяясь в причудливые формы.

И все же не тончайшей работы бокалы, подсвечники, вазы я буду, наверное, вспоминать по прошествии времени, а обычную железную раму, чем-то напоминающую абстрактную скульптуру, увешанную грубыми орудиями труда стальных дел мастеров. И как гравер Станислав Лечкий, сидя в фартуке перед станком, выводит идеально четкий круг на золотом покрытии вазы, нисколько не смущаясь присутствием постороннего. И как мой новый знакомый Ладислав Дворжан, русоволосый великан, ловко шлифовавший на весу уникальную хрустальную вазу весом в двадцать пять килограммов, бросил через плечо: «Держать-то ее что, любой сумеет. Глаз бы не подвел».

...Нет, не подвел глаз Моцарта, подумал я, когда он вышел из кареты и захохотал от прилива радости. Он, неожиданно беззаботный, счастливый, ходил по гостям, пил вино в кабачках, а ночью перед премьерой «Дон-Жуана», запертый в комнате друзьями, сочинил недостающую увертюру. Он сразу же почувствовал веселость и мудрость, внешнюю меланхоличность и беззаботную артистическую легкость, скрывавшиеся за серыми стенами старых, многое повидавших домов.

И, слушая перезвон станков, гранищих хрусталь, я вспомнил чашу «поющего фонтана», что на площади Летнего дворца; если нагнуться к ней, услышишь гул накаленного летнего луга — так звучно вибрируют струйки воды, испускаемые в чашу малолетними бронзовыми проказниками.

Возможно, когда-то Моцарт, склонив голову у чаши, внимал необычному пению воды, разглядывая забавные рожицы балующихся ангелов. Вече-

рами он записывал пришедшие в голову мелодии за деревянным столом в кабачке, от которого сейчас осталась гроздь винограда на фасаде. Мы можем лишь рассматривать налитые солнцем наменные виноградяны, можем слушать анданте Моцарта, которое исполнял после знакомства с композитором талантливый арфист Гайслер, не знавший нот, а записал безвестный энтузиаст. Но что бы ни осталось от творений мастера, хоть один осколок, история отличит кажущегося мастера от настоящего, будь его стихией музыка, скульптура, стекло. Пример тому — вся Прага.

Переступив, как все пражские мальчишки, незримую черту эпох, я опять очутился в нашем веке, на берегу Влтавы. По Влтаве «гулял» земснаряд № 150. «Гулял» — это значит разрыхлял и всасывал грунт, работал, пробовал свои силы — юбилейный, готовый к труду земснаряд. Его родные братья, созданные здесь, на пражском заводе «Чешские лоденце», «гуляли» в это время по Волге и Оби, Каспию и Енисею. И Ольдрик Папрскарж, коммерческий директор завода, сказал: «Как жаль, что земснарядам не дают имена, только лишь номера». Он смотрел на пульт управления, где чехословацкие приборы сотрудничали с советскими, на обыкновенный из чешского стекла стакан с гербом СССР, из которого команда будет пить волжскую или енисейскую воду, и мысленно провозжал свое детище в дальнюю дорогу. Скоро будет праздник. Сыграют гимны, произнесут деловые речи, земснаряд даст прощальный гудок, и тогда пойдет «гулять» по Влтаве сто пятьдесят первый.

...Он страстно размахивал зонтом, он был готов уплыть на своем корабле в дальние страны, где есть моря и мощные, под стать земснаряду реки, — коммерческий директор Папрскарж. Но якорь, сверкавший на эмблеме его завода, был навечно брошен во Влтаву. И Папрскарж сказал, что завод обеспечен заказами до 1970 года и что три насосные станции, построенные на заводе, могут выкачать всю воду из Влтавы.

Маленький якорек, брошенный во Влтаву. Порт веков... Петр Ильич Чайковский 21 февраля 1888 года, возвратившись после своего концерта в гостиницу, что напротив Пороховых ворот, записал в дневнике: «Минута абсолютного счастья». Это редкое состояние, навеянное тобой, Прага, испытывали Бетховен, Берлиоз, Шопен, Гете. Редко кто испытывал откровения, после которого рождается потребность в вечном движении. Может быть, это и есть «минута абсолютного счастья»?

А сравнение директора Папрскаржа, который строит корабли и механизмы, — всего лишь сравнение: насосные станции орошают хлопковые поля в Узбекистане, а на одной из улиц Праги грациозная Влтава вечно будет лить из кувшина неиссякаемую струю звездного неба.

Прага —
Москва.

Ф. КРИВИН

Рисунки
К. Борисова.

Неначатые рассказы

ВЗГЛЯД В ПРОШЛОЕ

...а то, что он был актером и в свободное время писателем, то у него, как видно, было свободное время.

ЧУВСТВО ЛОКТА

...когда Калигула ввел в сенат своего коня, все лошади Рима воспрянули духом.

САМОВЫРАЖЕНИЕ

...довольно умная книга, хотя автор, как всем известно, дурак. Очевидно, он в этой работе не сумел себя достаточно выразить.

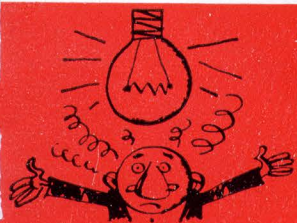
ПРИЧИНЫ И СЛЕДСТВИЯ

...из плодов воображения произрастают запретные плоды, они расцветают плодами воображения.

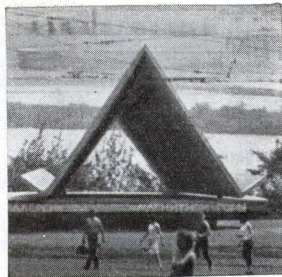

НЕКРОЛОГ

...он сгорел, как свеча в эпоху сплошной электрификации.

Борис РУЧЬЕВ
Фото Л. Лазарева

две палатки

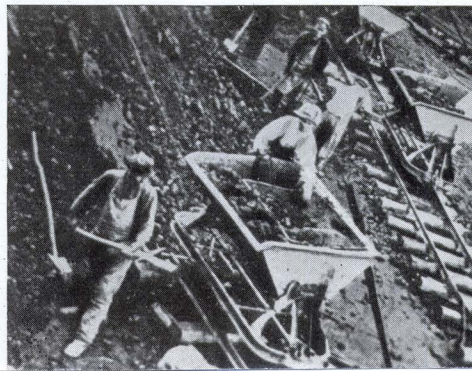
Берег реки Урал. Многоэтажные здания правобережного города. И среди них на высотке молодого парка — палатка. Из железобетона. Это памятник подвигу.

Тридцать шесть лет назад подножие горы Магнитной было усеяно такими же по облику, но только настоящими походными палатками из брезента, трепещущего на ветру брезента. Жили в них первые строители. Это было мое поколение.

Бушевала стихиями голая, неприютная степь. Не хватало хлеба и тепла и — пожалуй, самое главное — опыта, знаний, закалки.

Но мы поверили, что непременно поставим здесь завод. Построим небывало красивый город, обживем неприглядную степную долину.

Так между двумя палатками — настоящей, брезентовой, и символической, бетонной, — пролегла романтическая история нашего города, история осуществления наших замыслов и мечтаний.

Так начиналась
Магнитка

Руки и сердца рвались к уникальным сооружениям века. Хотя многие из нас были в ту пору всего лишь рядовыми землекопами или плотниками, не было ни одного равнодушного к спорам и рассуждениям о технических премудростях строящихся нами домен, мартенов, коксовых печей.

Мы с упоением объясняли новичкам, для чего существуют на домне летка, фурма, горн, колошник.

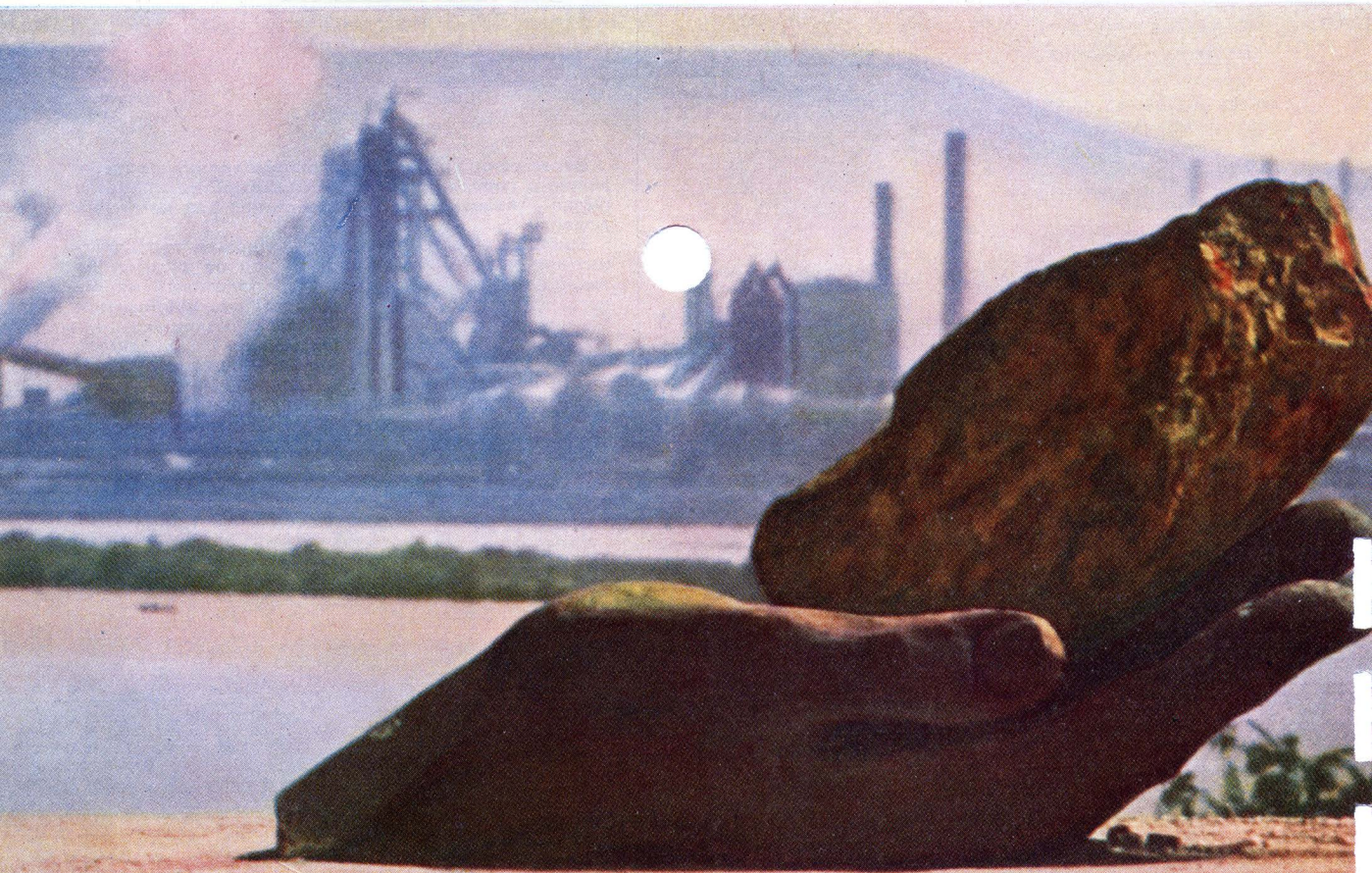
Рабочая вера и суровая работа сделали меня стихотворцем. Поэзия началась с того, что вызванные силой юношеского воображения сады сначала поднялись в наших стихах, а потом и на земле, под горой Магнитной. Защелкали

в них украинские соловьи, встало над миром видимое сердцем сияние многооконного города.

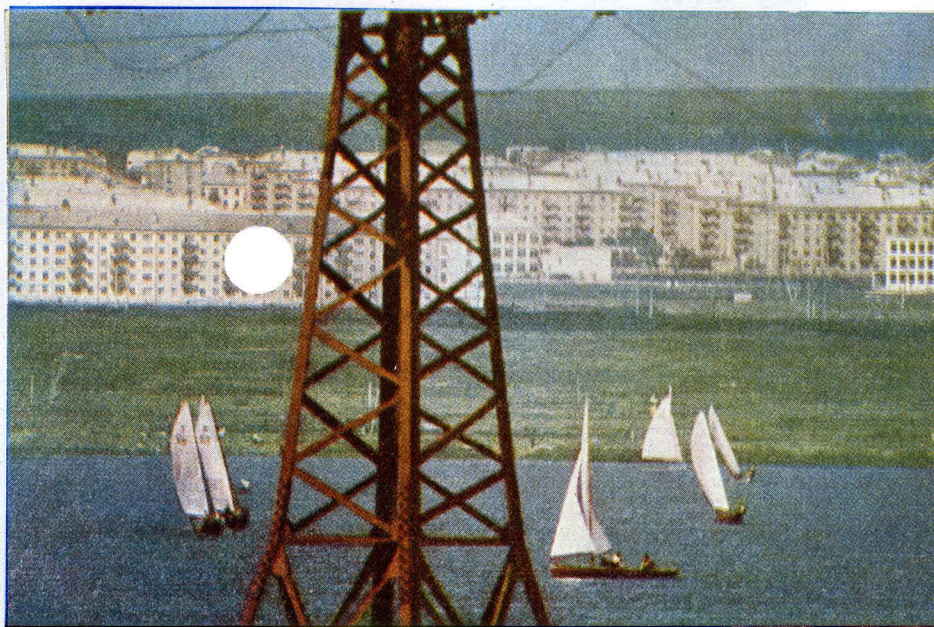
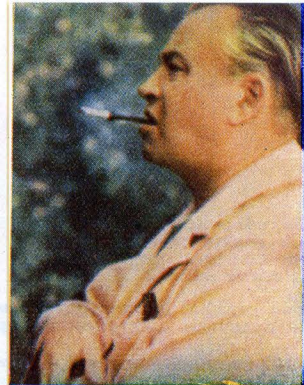
Поэзия утверждала образ будущего. И легче становилось жить, строить, учиться.

И вот в этом году, в марте, съехались в Магнитогорск первые строители. Их встретил великий завод, заложенный их руками, почти полумиллионный город, огражденный полукольцом садов, на ветках которых поют ранней весной соловьи. А осенью снимают горожане урожай яблок. А ведь холодный край, Урал!

Конечно, наша Магнитка — еще не обетованный, сказочный край. И сейчас много у нас забот. Потому что здесь вечный передний край.

*Фрагмент памятника строителям Магнитогорска.
Георгий Иванович Герасимов — первый горновой. Сейчас
заместитель начальника обменного цеха.
Сталевар Михаил Манжула — ровесник завода и города.
Поэт Борис Александрович Ручьев.
За рекой Урал — Азия...*

ДВАНОВ И МРАЧИНСКИЙ

Эх, яблочко,
Ты держи свободу:
Ни Советам, ни царям,
А всему народу...

Песня стихла. Дванов остановился, интересуясь шествием в овраге.

— Эй, верхний человек! — крикнули Дванову из отряда. — Слазь к безначальному народу!

Дванов оставался на месте.

— Ходи быстро! — звучно сказал густым голосом, вероятно, тот, что запел. — А то считаи до половины — и садись на мушку!

Дванов подумал, что Соня едва ли уцелеет в такой жизни, и решил не хранить себя:

— Выезжайте сами сюда — тут суше! Чего лошадей по оврагу морите, кулацкая гвардия!

Отряд внизу остановился.

— Никиток, делай его насковз! — приказал густой голос.

Никиток приложил винтовку, но сначала за счет бога разрядил свой угнетенный дух:

— По мошонке Иисуса Христа, по ребру богородицы и по всему христианскому поколению — пли!

Дванов увидел вспышку напряженного беззвучного огня и покатился с бровки оврага на дно, как будто сбитый ломом по ноге. Он не потерял ясного сознания и слышал страшный шум в населенном веществе земли, прикладываясь к нему поочередно ушами катящейся головы. Дванов знал, что он ранен в правую ногу — туда впилась железная птица и шевелилась колкими остьями крыльев.

В овраге Дванов схватил теплую ногу лошади, и ему стало нестрашно у этой ноги. Нога тихо дрожала от усталости и пахла потом, травой дорог и тишиной жизни.

— Страхуй его, Никиток, от огня жизни! Одежда твоя.

Подожел Никиток и попробовал Дванова за лоб: тепел ли он еще? Рука была большая и горячая. Дванову не хотелось, чтобы эта рука скоро оторвалась от него, и он положил на нее свою ласкающую ладонь. Но Дванов знал, что проверял Никиток, и помог ему:

Лучшая вещь А. Платонова — роман «Чевенгур» — готовится к изданию. В публикуемом отрывке рассказывается о встрече главного героя коммуниста Александра Дванова с анархистом Мрачинским. Дванов в дальнейшем совершит не один промах. Но в чем бы он ни заблуждался, какие бы ни допускал промахи, он никогда не переступит ту грань, за которой честь и смелость превратятся в свою противоположность. Он останется наисимпатичнейшим молодым человеком, решившим раз и навсегда участвовать в Революции как ее основной пахарь — рядовой партии коммунистов.

Федот
Сучков

— Бей в голову, Никита. Расклинивая череп скорей!

Никита не был похож на свою руку — это уловил Дванов, — он закричал тонким паршивым голосом, без соответствия покою жизни, хранившемуся в его руке:

— Ай ты цел? Я тебя не расклиню, а разошью: зачем тебе сразу помирать — ай ты не человек? Помучайся, полежи — спрочувала помрешь прочней!

Подожли ноги лошади вождя. Густой голос резко осадил Никитку:

— Если ты, сволочь, будешь еще издеваться над человеком, я тебя самого в могилу вошью. Сказано — кончай, одежда твоя. Сколько раз я тебе говорил, что отряд не банда, а анархия!

— Мать жизни, свободы и порядка? — сказал лежащий Дванов. — Как ваша фамилия?

Вождь засмеялся:

— А тебе сейчас не все равно? Мрачинский.

Дванов забыл про смерть. Он читал «Приключения современного

Агасфера» Мрачинского. Не этот ли всадник сочинил ту книгу?

— Вы писатель! Я читал вашу книгу. Мне все равно, только книга ваша мне нравилась.

— Да пусть он сам обнажается! Что я сдохлым буду возиться — его тогда не повернешь! — соскучился ждать Никита. — Одежда на нем в талию, всю порвешь и прибитка не останется.

Дванов начал раздеваться сам, чтобы не вести Никиту в убыток: мертвого действительно без порчи платья не разденешь. Правая нога застопорилась и не слушалась поворотов, но болеть перестала. Никита заметил и товарищески помог.

— Тут, что ль, я тебя тронул? — спросил Никита, бережно взвзвонгу.

— Тут, — сказал Дванов.

— Ну, ничего — кость цела, а рану салом затынет, ты парень не старый. Родители-то у тебя останутся?

— Останутся, — ответил Дванов.

— Пуцай останутся, — говорил Никита. — Поскучают и забудут. Родителям только теперь и поскучаться! Ты коммунист, что ль?

— Коммунист.

— Дело твое: всякому царства хочется!

Вождь молча наблюдал. Остальные анархисты управляли коней и закуривали, не обращая внимания на Дванова и Никиту. Последний сумеречный свет погас над оврагом — наступила очередная ночь.

— Так вам понравилась моя книга? — спросил вождь.

Дванов был уже без плаща и без штанов. Никита сразу же их клал в свой мешок.

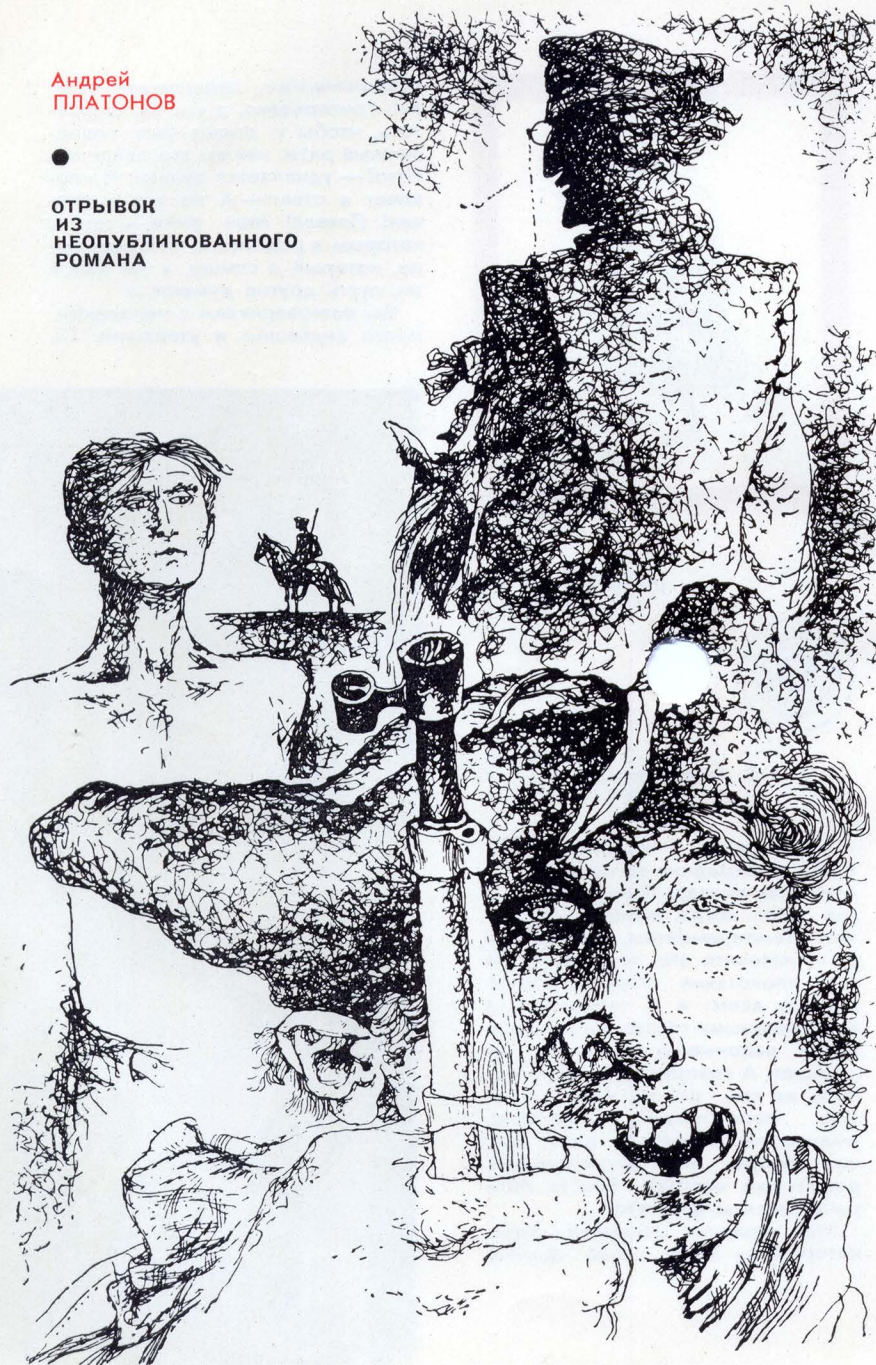
— Я уже сказал, что да, — подтвердил Дванов и посмотрел на преющую рану на ноге.

— А сами-то вы сочувствуете идее книги? Вы помните ее? — допытывался вождь. — Там есть человек, живущий один на самой черте горизонта.

— Нет, — заявил Дванов. — Идею там я забыл, но зато она выдуманна интересно. Так бывает. Вы там глядели на человека, как обезьяна на Робинзона: понимали все наоборот, и вышло для чтения хорошо.

Андрей
ПЛАТОНОВ

ОТРЫВОК
ИЗ
НЕОПУБЛИКОВАННОГО
РОМАНА

Вождь от удивления поднялся на седле:

— Это любопытно... Никиток, мы возьмем коммуниста до Лиманного хутора, там его получишь сполна.

— А одежда? — огорчился Никита.

Помирился Дванов с Никитой на том, что согласился доживать голым. Вождь не возражал и ограничился указанием Никите:

— Смотри, не испорть мне его на ветру! Это большевистский интеллигент — редкий тип.

Отряд тронулся. Дванов схватился за стремя лошади Никиты и старался идти на одной левой ноге. Правая нога сама не болела, но если наступить ею, то она снова чувствует выстрел и железные остья внутри.

Овраг шел внутри степи, суживался и поднимался. Тянуло ночным ветром, голый Дванов усердно подскакивал на одной ноге, и это его грело.

До Лиманного хутора добрались часа через два. Пока анархисты ходили говорить с хозяевами, Дванов дрожал на ветру и прикладывался грудью к лошади, чтобы согреться. Потом стали разводиться лошадей, а Дванова забыли одного. Никита, уводя лошадей, сказал ему:

— Девайся, куда сам знаешь. На одной ноге не ускачешь.

Дванов подумал скрыться, но сел на землю от немоги в теле и заплакал в деревянной тьме. Хутор совсем затих, бандиты расселись и легли спать. Дванов дополз до сарая и залез там в просяную солому. Всю ночь он видел сны, которые переживаешь глубже жизни и поэтому не запоминаешь. Проснулся он в тишине долгой, устоявшейся ночи, когда, по легенде, дети растут. В глазах Дванова стояли слезы от плача во сне. Он вспомнил, что сегодня умрет, и обнял солому, как живое тело.

С этим утешением он снова заснул. Никита утром еле нашел его и сначала решил, что он мертв, потому что Дванов спал с неподвижной сплошной улыбкой. Но это казалось оттого, что неулыбающиеся глаза Дванова были закрыты. Никита смутно знал, что у живого лица полностью не смеется: что-нибудь в нем всегда остается печальным, либо глаза, либо рот.

Рисунок
А. Брусиловского.

Е. ХРАМОВ

Это было в дачном поселке на Пахре.

Хотя бог его знает, где это было, потому что слышался шум сгоревших космогоний, гул табунов, давным-давно истлевших в степях скифских ли, монгольских,

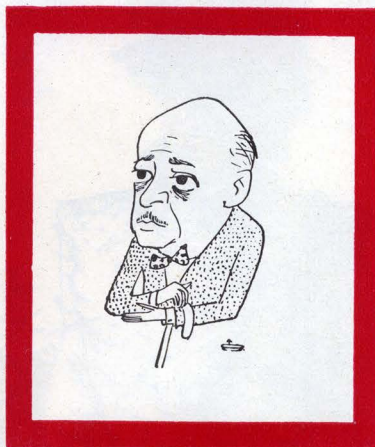
ВРЕМЯ НЕИСТОВОЕ

и был здесь сербский гимназист, крепко упершийся подошвами в камень, чтобы точнее был его выстрел по нарядному австрийскому офицеру, выстрел, начавший XX век на нашей планете, и Франсуа Вийон хохотал нам откуда-то из тумана, и санюлот кричал что-то, размахивая пикой.

Мы были в самом центре мира поэта Павла Григорьевича Антокольского.

А в окна глядели подмосковные березы.

Мы, мой товарищ по работе и я, приехали на дачу к Антокольскому, чтобы на магнитофоне записать его стихи. И пока оператор тянул шланг через окно, пока шла эта техническая подготовка, мы беседовали с хозяином. Разговаривая, я все время вспоминал стихи — и «Франсуа Вийона», и «Коммуну 71 года», и «Сына», и «Балладу о чудном мгновении». И парижские мостовые и российский снег воспринимались не отдельно, а как-то вместе, как вселенная, как мир. Мир, созданный поэтом Антокольским и поэта Антокольского создавший.

Дружеский шарж
О. Пирцхалавы.

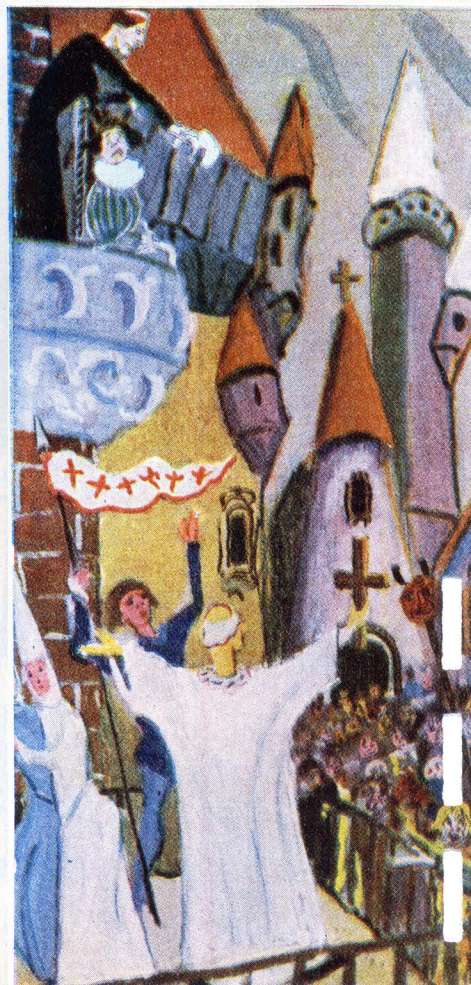
Эскиз
П. Антокольского к драме
«Франсуа Вийон».

Мы сидели в комнате тихого дома, а посредине ее клочкотал хозяин. Как вулкан. Павел Григорьевич даже когда молчит — клочочет. Темпераментом, нетерпением — назовите это как хотите, но его клочкотание слышно всегда. Оно во всем: и в становящихся вертикальными глазами и в постукивании ладонью о стол — это он слушает. А говорит... Отвечает совсем не так, как ты ждал, но ты уже переубежден, — конечно, именно так и обстоит дело, так, как говорит этот нетерпеливый, рокошующий человек. Ярость оборачивается мудростью.

Мой товарищ, писавший стихи, которые он очень хотел сделать

современными, спрашивает: «Павел Григорьевич, а вот вы стараетесь, чтобы у стихов был современный ритм, как вы это делаете?» «Что? — удивляется вулкан. И клочочет в ответ: — А на это я плевал! Плевал! Мой ритм — тот, с которым я родился, с которым умру, который я слышу, а уж какой он, пусть другие думают...»

Мы разговариваем с человеком, много видевшим и узнавшим. Со

старым поэтом. Еще в том, прошлом, девятнадцатом веке родился Павел Антокольский! «Подумай,— скажу я потом своему товарищу,— ведь он современник,— и, желая назвать как можно более далекие во времени литературные явления, я добавлю:— современник Льва Толстого и Инны Кашежевой!»

Мы разговариваем со старым поэтом. Но вот все готово. «Мо-

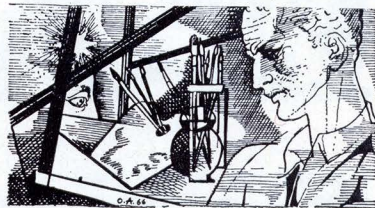
тор!» И старый поэт начинает читать у микрофона стихи. Куда девались все жалобы на хрипоту голоса? Он читал звонко, по-юношески, может быть, так когда-то читал другой поэт: «Мы все под полуденным солнцем и с солнцем в крови рождены!»

Я не могу пересказать вам, как читал стихи этот седой, «с солнцем в крови» юноша. Послушайте сами!

Павел АНТОКОЛЬСКИЙ

Рисунки

О. Феррейра де Араужо

ХУДОЖНИКИ

Я у многих художников спрашивал,
Как далось им искусство вначале.
— Не касайся отчаянья нашего!—
Так художники мне отвечали.

— Это не было встречей
с возлюбленной,
Ни отвагой, ни негой,
ни вьюгой,
Ни зачеркнутой накрест,
загубленной,
Лишней, зряшной и грешной
потугой.

— Даже не было краскою
масляной—
Только потом и злыми слезами,
Только чью-то глупой
напраслиной,
Возведенной на наши дерзання...

— Загляделись мы в звездное
небо ли,
Или в грязные лужи свалились,
Кем бы ни были, молоды
не были,
Только в старости развеселились.

— У художников юность
не славится,
Не приходит, смеясь и танцуя,
И не кажется людям красавицей,
И сама красота не к лицу ей!

МАНОН ЛЕСКО

Я видел, как Манон Леско
Встает от сна за час до полдня
И усмехается легко,
Полмира прихотями полня,

И, глядя в зеркальце, следит
За отраженьем стройной тени:
Там бедный Де-Грие в смятенье—
Ревнует, что ли, иль сердит?

На что? На женщину, которой,
Наверно, и на свете нет!
Она его забудет скоро
На самой грешной из планет.

О, слишком медленный,
О, слишком стремительный вихреворот!
О, яркий, слишком яркий рот —
Цветок со стеблем, рано
Сникшим...

Еще он дышит, но еще
Не слышит сам, что дышит
Смертью.
— Вы к волосам его примерьте
Иль приколите на плечо!

И надушитесь чем попало,
Хотя бы утренней росой,
Что заблестит нежней опала
Под вашей ноженькой босой...

Но, видно, в мире океанном
Нет счастья для Манон Леско!
И, сосланная далеко,
Погибшая за океаном,

Она воскреснет где-нибудь
В иной эпохе переломной,

И скромный мой схлестнется ^{путь}
С той ветреницей вероломной!

С той женщиной, которой нет,
Которая меня покинет
Или со мною вместе сгинет
На самой грешной из планет...

Но если вдуматься серьезно,
Не так уж это тяжело —
Погибнуть рано или поздно!
Да ведь и поздно подошло.

Вот свободен мой дом от постоя,
От налета бессонниц и снов.
Ухожу и жилище пустое
Запираю на крепкий засов.

Что здесь было, чего
Не бывало,
Что исчезло в огне и в дыму,
Что отыскано после обвала?
Я с собой ничего не возьму.

Чья когда-то звезда
Разблесталась,
Чья параболой мчалась во тьму?
Где три четверти века?
Где старость?
Я с собой ничего не возьму.

Пусть забрезжит осеннее утро.
Пусть падающая гаснет звезда.
Я отчалил на лодочке утлой.
Только вечность со мной
навсегда.

ТЕНЬ

Я тень того, что беспредельно ^{старше}
Всех возрастов. Но я всегда
на марше,
В походе, в полной выкладке
пехоты,
Не дожидаясь отпуска и льготы.
Я только тень и, оставаясь тенью,
Вьюсь по стене, ползучее

растение,—
Из жизни в жизнь, из юности —
в другую
И сказками на ярмарках торгую.
Я вымысел, которому конца нет,
Будь он соната, статуя иль танец,
Будь Монтекристо или Калиостро,
В сплошных пробелах,
в подмалевке пестрой...

Есть память и беспамятство.
Есть робость
И дерзость. Вот уже
разверзлась пропасть,
И клинопись на глиняных
таблицах
Вам воскрешает чудищ
огнеличных.

А тень бредет по облакам
и странам,
Чужим романам и киноэкранам,
Растет до потолка при свете
лампы
И грустные дочитывает ямбы.
Да, только тень того, что
дальше смерти...

Какая даль! Попробуйте
и смерти.
Я тень. Но я расту своею силой,
Пока меня случайность
не скосила.

пристань

мечтателей

Пенсионер из города Ельца Борис Григорьевич Лисюн летом собирает мальчиков и девочек, около двухсот человек, и едет с ними в палаточный лагерь, в Плющань. Ребята ходят с Борисом Гри-

горьвичем в походы за две тысячи километров по рекам. Как-то молодой липецкий журналист Владислав Ширяев (вы видите его на снимке на тринадцатой странице) приехал в этот лагерь. И остался там жить и написал о лагере книгу «Плющань — пристань мечтателей». А вернувшись в Липецк, собрал по детским комнатам милиции «трудновоспитуемых» и пошел с ними в поход по местам боев.

«Если ты не трус, если на тебя можно положиться в трудную минуту, если не убежишь, поджав хвост, от первой трудности, приходи 19 марта 1965 года в 7.30 вечера в горком комсомола. Есть дело. О письме никому ни слова...»

(Послано по адресам, известным в детских комнатах милиции города Липецка.)

«Пришли человек сто. В зале начался шум. Где-то уже трещали стулья. В задних рядах закурили. Я стоял перед ребятами и потом их спросил: «Все знают такую дату — 22 июня 1941 года?»

(Из рассказа Владислава Ширяева на слете в Брестской крепости 1965 г.)

«...Открывая этот обелиск, мы, члены экспедиционного клуба, клянемся 9 мая 1966 года установить на месте временного обелиска памятник воинам, павшим героями за землю нашу! Средства на памятник мы заработаем сами. Клянемся! Клянемся! Клянемся!»

(Клятва принята при открытии обелиска в селе Ломигоры.)

«Нас было семьдесят. Двадцать пять дней мы шли по нашей липецкой земле. Много услышали, увидели, записали. Всякое случилось за триста пятьдесят километров пути, но мы прошли их потому, что мы были друзья».

(Из донесения в Центральный штаб Всесоюзного похода молодежи по местам боевой славы.)

«Просим горисполком переименовать улицы Сосновую, Кедровую, Полярную, Молодежную и присвоить им имена наших земляков — пионеров и комсомольцев, казненных фашистами. — Володи Бачурина, Сени Кондарева, Вилли Огнева, Клавды Шаталовой».

(Из решения общего сбора клуба «Неунываки». 30 августа 1966 г.)

«Почему клуб называется «Неунываки»?.. О! Это легенда. Это еще в самом начале было. Я тогда в клуб еще не ходила. Но знаю. В первом походе на Загадское озеро было очень трудно. Ребята угодили в болото. Потом под ливень попали. А потом вообще в лесу заблудились. Кое-кто, конечно, упал духом. Тогда кто-то крикнул: «Не унывай, ребята! Нас много...» Вот с тех пор и пошло — «неунываки».

(Из выступления Любы Демиховой.)

На четвертой звуковой странице — рассказ об одном походе «Неунывак».

Фото А. Лидова.

ЭТО — НЕ ИГРУШКА...

Семеновские
игрушки.
Из коллекции
писателя
Юрия
Арбата.

Они дарят нас неожиданными радостями. Смотреть на все сразу нельзя. Завораживает.

Матрешки-девочки в пестрядинных платьях плывут хоромом, словно ромашки на лугу; берестяные лукошки, туески рябят в глазу вышивной крестом; ковш-птица зовет напиток; невиданные звери из глины, дивно одетые в наивные, ликующие краски, просят к тебе домой; кружева — чистые, из летающих снежинок; шкатулки — не сочтешь, расплескалась радуга по лакированному агатовому небу. Удивление...

Глядишь — становится все вокруг многоцветным вальсом, летит, кружит. Старуха — смотрительница музея — сказала: «Так замстит, ни о чем другом не думается». Все ахают, дивятся; русские ремесла, пришедшие из дали лет, чужим словом называют: сувениры. А не пустячок это, не игрушка — народная поделка, волнение мысли. На каждой — теплота человеческой руки. Хрустальная работа.

Вещицы эти создавались людьми и для людей. Проплывают они над нашими годами, разговаривают древними словами, напоминают о себе. Сидят где-то близко-далеко — рукой подать и за тридевять зе-

мель — дедушки-бабушки, мастерят свое: личное, простодушно. Мотивы находят готовыми в природе. Художник всегда исходит из жизни: кинет снегом — один таинственный узор, качнет дождем — другой, брызнет солнцем — третий. И выходит рисунок тонкий и целомудренный, вечный ритм трудов и забот.

Законы преломления, законы отражения — из чувства рождается импровизация. Лепка, роспись кистью, работа резцом, штихелем, кружевоплетение — рассказывают линией, силуэтом, цветом: рисуют не лицо, а образ, не руку, а жест, не абрис головы, а общую экспрессию. Изумляемся красочности — желтизне колеблемых ветром хлебов и луговых лютиков, киновари маков, ультрамариновому небу, неожиданной зелени трав и выющихся стеблей с побегами. Тонкие кисточки быстро и нежно поглаживают бока сырых глиняных сосудов, бус, живописуют коробочки из папье-маше, ложки, миски, вазочки, подносы. Немые песни деревянных человечков, ларцов, дорожек, стеклянных дутых петухов и рыб...

По сей день открываем давно открытое.

Ада ПЕТРОВА

СОПОТ СОПОТ

Скала, поросшая вековым лесом. У ее подножия современное сооружение — эстрада под нейлоновой крышей...

Три летних дня каждого года здесь, в польском городе Сопоте, соревнуются певцы и песни. В этом году на эстраде и в жюри музыкальные послы тридцати стран.

День первый — «состязание песни».

День второй — день польской песни.

День третий — парад победителей.

На звуковых страницах — двенадцать минут этих дней.

Лауреаты Сопота:

Болгарская певица Лили Иванова (И. Цанков. «Море молодости»).

Песня Герда Начинского «Красная роза». ГДР. (Поет Гарри Вольф).

Греческая певица Ангела Зилия и песня Жоржа Музакиса «Богема».

Майкл Леонард. «Вся я улыбка». США. (Поет Лана Кантрель).

Песня Петра Фигеля «Вернемся сюда». Польша. (Поет Ирена Сантор).

Слушайте одиннадцатую и двенадцатую звуковые страницы.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЗВУКОВОЙ ЖУРНАЛ

ИЗДАТЕЛЬ:
КОМИТЕТ
ПО РАДИОВЕЩАНИЮ
И ТЕЛЕВИДЕНИЮ
ПРИ СОВЕТЕ
МИНИСТРОВ СССР.

На первой странице обложки: Лирическая песня. Фотоэтюд Л. Лазарева.

На четвертой странице обложки: Народная роспись на дереве. Фото Ю. Капитанова.

Режиссер
Н. Субботин.
Художник
А. Луцкий.

Технический редактор
Л. Петрова.

РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ.

Адрес редакции:
Москва, Пятницкая, 25.

Телефоны редакции:
В 3-73-94, В 3-74-59.

В 05036. Подп. к печ.
15/X 1966 г. Формат
бумаги 84×108¹/₁₆.
Бум. л. 0,5. Печ. л. 1.
Тираж 250 000 экз.
Зак. 2715. Цена 1 руб.

Ордена Ленина
типография
газеты «Правда»
имени
В. И. Ленина.

слушайте

в

номере

1. Памятник подвигу. Хроника-репортаж В. Возникова.
2. На пик Космонавтов с микрофоном.
3. Павел Антокольский читает стихи.
4. Владислав Ширяев: «Дорогие мои мальчишки»...
5. Музыкальные лучи планеты. Песни Чехословакии: «О малыш, малыш», «У меня сказочный дом». Поют М. Кубитова, Е. Вондрачкова и К. Готт. Записи предоставлены Чехословацким радио.
6. ВНО-66 в «Кругозоре».
7. Музыка и революция. Прокофьев. Фрагменты из кантаты «К XX-летию Октября» в исполнении Русской хоровой капеллы (художественный руководитель — А. Юрлов) и оркестра под управлением К. Кондрашина.
8. Русские напевы: «Прошла молодость», «Уральская плясовая», «У меня муж рыжий был». На нашей пластинке: Е. Осипова, Воронежский хор, М. Осипова и В. Тихов.
- 9—10. Песенные премьеры. А. Колкер и И. Кашежева. «Утоли мою печаль»; А. Бабаджанян и Р. Рождественский. «Загадай желание»; Б. Савельев и И. Кашежева. «Как мне быть»; В. Шеповалов и К. Рыжов. «На одной земле с тобой». Исполняют М. Пахоменко, М. Магомаев, Б. Кереш, В. Никитенко.
- 11—12. Двенадцать минут в Сопоте.

Звуковые страницы изготовлены Всесоюзной студией грамзаписи фирмы «Мелодия» и Государственным домом радиовещания и звукозаписи.

Пестрые афиши, глядящие с рекламных щитов, приглашают на концерты ВЮО-66.

Молодой эстрадный коллектив возник недавно. Несколько месяцев шли репетиции, и вот программа вынесена на суд слушателей. Первое впечатление: своеобразие тембра, неожиданность окраски звучания. К четырем обычным группам (трубы, тромбоны, саксофоны, ритм-секция) прибавлены человеческие голоса: семь певцов, поющих без слов. Они словно пятая инструментальная группа.

Говоря о подборе музыкантов в свой оркестр, руководитель ВЮО-66 Юрий Саульский шутит: «Наш принцип построен в соответствии с самыми последними футбольными веяниями — мы не стремимся быть «командой из звезд», а мечтаем добиться репутации «звезды-команды». Саульский подчеркивает: сильные музы-

канты-ансамблисты важнее для оркестра, чем блестящие виртуозы-одиночки...

Большинство наших эстрадных оркестров превратилось, по сути дела, в аккомпаниаторов певцам. Песни в танцевальных ритмах — вот основа их репертуара; несколько оркестровых номеров в программе воспринимаются как необязательный привесок, интересеццо для отдыха.

Коллектив, не отказываясь от песен и танцевальных пьес, ввел в программу чистый оркестровый джаз. Он словно берется доказать аудитории: джаз — большое и серьезное искусство, имеющее и свое очарование и свои законы музыкального сложения. Джазовые пьесы, исполняемые в концерте, комментируются — внимание слушателя концентрируется в нужном направлении. Это своего рода «ликбез»

66

ВЮО

по джазу, прививающий хороший вкус.

Поиск, в чем-то полемичность всей программы — вот что отличает новый оркестр Ю. Саульского.

Что же такое ВЮО и почему 66? ВЮО — это вокально-инструментальный оркестр. 66 — год рождения.

Арк. ПЕТРОВ

На снимках:
Юрий
Саульский
и солисты
оркестра.

Фото А. Лидова.

Цена 1 руб.